

Долгий-долгий путь домой

Искусств. - 1996. - 24 февр. - С. 8.

ДРАМА

Илона ТАЛАНЦЕВА

Бывают города театральные и нетеатральные. И можно много и умно рассуждать об этом. Есть множество внутренних проблем. У каждого театра — свои. О некоторых из них говорится во всеуслышание. Некоторые — умалчиваются. По принципу — не выносить сор из избы. Но то понятие "театральности", с которым пришлось столкнуться в Назрани, те проблемы, о которых говорили мастера сцены Ингушского государственного драматического театра имени Идриса Базоркина, настолько выходят за рамки обычных, что разговор о театре необходимо начать именно с них. А не со спектаклей или актерского мастерства. Иначе многое будет просто непонятным. Начнем с того, что ингушский театр существует уже более 70 лет, но до недавнего времени театра в Ингушетии не было. Такой вот парадокс истории.

Он возник в 20-е годы во Владикавказе как полупрофессиональный. Почти не сохранилось архивных материалов о тех годах его существования. Однако известно, что у истоков его стоял цвет ингушской интеллигенции. Что довольно скоро его постановки стали хорошо известны на Северном Кавказе. И что в 31-м году театр поставил пьесу "Сыновья муллы", специально для него написанную Михаилом Булгаковым.

Потом война, потом трагические события 1944 года. История ингушского театра прерывается. Ингушетия лишается государственности и становится частью Чечено-Ингушской АССР. Частью чечено-ингушского театра становится и театральное искусство Ингушетии. Поначалу в составе общей труппы работают ингушские актеры. Потом появилась самостоятельная труппа, причем очень высокого уровня — выпускники ЛГИТМиКа, ученики В. Меркурьева. Потом к ним присоединились выпускники многих ведущих театральных вузов. По сути дела, речь шла о возрождении национальных традиций ингушского театра.

Пришло признание. Об ингушской труппе заговорили в Москве. Заговорили как о полноценном, сложившемся коллективе. Появились свои лауреаты премий, свои заслуженные артисты. И все же положение ингушской труппы оставалось сложным. При всем взаимопонимании тех лет (70-е — 80-е годы) существование под одной крышей русского и чеченского театров и ингушской труппы оборачивалось множеством сложностей. Тогдашнее руководство Министерства культуры ЧИАССР отношу не благоволило к ингушским актерам. Приходилось вести постоянную негласную борьбу, которая в конце концов закончилась тем, что Ингушский театр (а этот статус был обретен в 1987 году) был расформирован, труппа разогнана, прежнее руководство заменено на новое. Все это были те месяцы, когда Чечня за-

вила о независимости. Новый ингушский театр в Грозном так и не состоялся. А имущество прежнего разворовано.

В 1993 году произошло разделение Ингушетии и Чечни на две самостоятельные республики. И с этого момента Ингушский театр начинает новый отсчет истории. По сути дела, его переезд в Назрань был стихийным. Первые несколько месяцев искали пристанища. Ведь в Назрани, волею судьбы ставшей столицей Ингушетии, театра никогда не было. Наконец, он обрел сцену в городском Дворце культуры. Конечно, не как свою, а на арендных отношениях. Была и другая проблема. Все актеры жили в Грозном. И дорога на работу занимала много времени. Старались так составить график, чтобы актеры ездили не каждый день. Появились первые спектакли наконец-то самостоятельно и полноценного театра. Во многом благодаря титаническим усилиям его художественного руководителя Иссы Чахкиева.

Одной из первых работ стала постановка пьесы Саида Чахкиева "Когда гибнут сыновья". Она появилась в годовщину депортации и накануне праздника Победы. Только что была пролита кровь в Северной Осетии. Зрители плакали. Было понятно, что многие из них, никогда не видевшие театра, приняли его. Но приняли не театральную условность, не вид искусства, а приняли в силу созвучия собственных чувств и пьесы.

И эти слезы на глазах зрителей, а затем и война в Чечне заставили руководство театра принять кардинальное решение.

— Мы поняли, что главная наша задача, — говорит директор театра Батыр Даскиев, — снять стресс. И потому главным образом мы ставим комедии. Уже поставлена "Ханума" А.Цагарели, "Бунт новостей" С.Ахмада, "Ревизор".

На "Хануму" жители совершенно нетеатральной Назрани приходили по три-четыре раза. На всех представлениях был аншлаг.

Но к прочим бедам театра прибавились новые. Мало того, что ни сцена, ни звуковая техника, ни свет в городском ДК не годились для решения серьезных творческих задач. Мало того, что у только что родившейся Республики Ингушетии не хватало средств на самое жизненно необходимое, уж не говоря о театре. Случилась беда. Ведь все актеры и работники театра жили в Грозном. Большинство — в центре. И все буквально за два-три дня лишились жилья. У кого полностью разрушена квартира, у кого сгорел дом, у кого все разграблено. Жили в театре, скитались по чужим углам, ютились в вагончиках. У многих погибли близкие и друзья. Конечно, это был шок. Но именно он, этот шок, подсказывал вновь и вновь: людям нужна радость, нужен смех.

И вопреки всему театр продолжает работать. Во имя радости. Он продолжает работать у себя Дома. К которому он так долго шел.